

Znamia. Znamia (Saint Petersburg, Russia)

Call Number: 2006 Folio S52

Creator: Galachev, A. G

Date: 1906

Publisher: A.G. Galachev

Subjects: Russian wit and humor.

Political satire, Russian.

Caricatures and cartoons.

Periodicals --Russia --Saint Petersburg

Russia --History --Revolution, 1905-1907

Genres: Illustrations

Drawings

Political cartoons

Physical Description: 8 p.

ill.

38 cm.

Volume/Enumeration: no.1(1906)

Rights: More about permissions and copyright

We welcome any additional information you might have. If you know more about an image on our website or if you are the copyright owner and believe we have not properly attributed your work, please contact us.

Exhibition Note: Russian Graphic Art and the Revolution of 1905

Collection: Beinecke Library

Source Digital image/tiff

Format:

[A record for this resource appears in Orbis, the Yale University catalog](#)

[Beinecke Library Permissions and Copyright notice](#)

[Click here to begin looking at the images!](#)

№ 1.

Цѣна 10 коп.

1906.

ЗНАМЯ

ВРЕМЕНЩИКЪ.

Министромъ прежде бывъ финансы,
России дать онъ много шансовъ,
Разбогатѣть и процвѣсти:
Онъ поощрялъ капиталистовъ,
Кучцовъ, банкировъ, финансистовъ,—
Но.. чтобъ промышленность спасти!
Валюту ввелъ онъ золотую,
Вплотъ спонсръ всю Русь святую,—
Но.. лишь казеннымъ—не простымъ!
Казна виномъ разбогатѣла,
И деньги тѣ пошли для дѣла—
Для Ляояновъ и Цусимъ!
Затѣмъ въ Портсмутѣ велъ бесѣду
И, одержавъ тамъ двѣ победы,
Японцевъ сильно удивить:
Миллионы давъ имъ для поправки,
Нашъ дипломатъ еще, вдобавокъ,
Полу-Сахалина имъ вручилъ.
За это взявши титулъ графскій,
Онъ властелинъ нашъ сталъ заправскій,
Министръ-премьеръ—теперь не трусъ!
Вѣдь, „побѣдитель при Портсмутѣ“,
Онъ разберется въ нашей смутѣ,
Спасетъ матежвую онъ Русь,
И, въ вѣроподданной отвѣтъ,
Онъ дастъ свободы.. на бумагѣ:
„Не вѣришь? на! хоть самъ читай!“
Пока читали розовыя,
Завѣтъ ниня онъ затѣи—
И кровью залить цѣлый край.
Вглядись внимательнѣй, читатель,
Ты въ эти строгія черты,
Чтобъ, съ ними възвѣвъ свѣда знакомство,
Ихъ передать затѣмъ въ потомство..
Коль.. доживешь до завтра ты!

* * *

Пусть судьба теперь не сладка,
Пусть грядущее загадка—
Но пока в рукѣ есть знамя
И въ груди—свободы пламя,
 Не сдавайся, крѣпко стой,
 Съ гнетомъ смѣло выйди въ бой!
Кто посмѣетъ—не жалѣетъ,
 Смѣлымъ Богъ владѣетъ!
Минуть грозы и туманы,
Сгинуть рабство и обманы
И прогонитъ тьму невзгоды
Солнце юное свободы.
 Не сдавайся, крѣпко стой,
 Съ гнетомъ смѣло выйди въ бой!
Кто посмѣетъ—не жалѣетъ,
 Смѣлымъ Богъ владѣетъ!
Пусть намъ—смерть, имъ—пиръ и брашны!
Муки смерти тѣмъ не страшны,
Кто мгновеньемъ дней насущныхъ
Купитъ счастье дней грядущихъ.
 Не сдавайся, крѣпко стой,
 Съ гнетомъ смѣло выйди въ бой!
Кто посмѣетъ—не жалѣетъ,
 Смѣлымъ Богъ владѣетъ!

Годовщина.

(9 января 1905 г.—9 января 1906 г.)

Вы шли къ отцу—покорные сыны,—
Неся къ нему всю ношу трудовую:
Смирены, робки, смущены—
Искали душу вы живую.
Но какъ быть лживъ вашъ дивный сонъ!
Отвѣтъ вамъ былъ—штыки и пули...
И крикъ, и вопль, и кровь, и стонъ...
О, какъ мечты жестоко обманули!
Прошли недѣли—цѣлые года,—
Уснули мертвые, проснулись живые...
И вновь толпы, какъ и тогда,
Пошли впередъ—теперь уже ниня!
Суровъ ихъ ликъ, горитъ ихъ взоръ,
Но жаждой мести—не любовью...
Поютъ... И мощенъ дивный хоръ...
И вѣетъ флагъ—онъ красный съ этихъ поръ,
Вѣдь онъ окрашенъ вашей кровью!

БРАТЬЯМЪ...

Покорно спите, наши братья!
Исполненъ будетъ вашъ завѣтъ.
Мы вамъ священное закланье
Даемъ, что отступленья нѣтъ.
Мы вѣримъ все: промчатся бѣды,
Вдали сверкнутъ свободы лучъ,
И близокъ свѣтлый мигъ побѣды,
Грядетъ онъ грозенъ и могучъ.
Въ тотъ мигъ желанный, мигъ счастливый—
Мы на могилу къ вамъ придемъ
И палачей весь родъ кичливый
Мы вмѣстѣ съ вами проклянемъ!

СОНЪ.

Снилось мнѣ, «что я боленъ, что моги мнѣ горитъ», что вокругъ застывшіе трупы людей, руки оторванныя, ноги разбросанныя; слышались стоны, проклятья, молебны, грохотъ японскихъ и русскихъ орудій, паника, ужасъ, смѣтение, бѣгство. Надъ всею же этимъ страдальческимъ полемъ надвигалась непроглядная мгла... А сколько людей было оторвано отъ семьи и честной работы и переправлено сюда, за тысячи верстъ—на муки, на смерть, на позоръ!.. И еще живы были страданья въ душѣ потрясенной моей, когда я увидалъ, что среди безпросвѣтныхъ тучъ «ярко занималась заря»,—казалось, «скоро солнце взойдетъ»...

Разлилась какая-то мощная сила, чѣмъ-то веселымъ, безконечно радостнымъ повисло кругомъ!.. И уже люди не тѣ, не рабы: ихъ взоры пылаютъ, ихъ поступь, движенія и рѣчи смѣлы и свободны: признали права человѣка!.. И все, что кипѣло, боролось за лучшую долю, за счастье людей, свѣсило къ народу—повѣдать радостную вѣсть, разъяснить ея смыслъ. Они звали людей на новую, широкую работу-борьбу: всюду была радость, ликование...

А затѣмъ вдругъ опять тотъ-же шумъ, конскій топотъ, немолчное «пши!», буйства казаковъ, аресты, убійства... Куда-же вы скрылись, свободные дни!.. Опять страданья, опять вопли и стоны, тюрьмы и безкрасныя могилы... И это свобода?.. Да, свобода—свобода на мигъ! И далеко кругомъ, по селамъ и городамъ, проливается кровь, всюду погромы, убійства, сожженія, разстрѣлы, грабежи!.. «Гдѣ-же настырь народный?»—приходитъ невольно на умъ. Только ему одному и возможно «свободно» теперь говорить. Но, Боже правый!

«Какія лживыя, за страдающаго брата,
Какія гройныя открылися уста!»...

А кругомъ безпросвѣтная мгла!.. Глядѣлъ—и не вѣрилъ: Москва, врага нѣтъ, а кругомъ пулеметы, орудія, войска!.. И гибли борцы!.. Защищаясь, они гибли безъ счета, но, силъ не хватило!.. Сколько жаней разбитыхъ, сколько жертвъ и мертвцаей нужды!..

Даже дѣтей, безпомощныхъ, измученныхъ дѣтей, и тѣхъ не щадила стая оврачниковъ...

Переполнены тюрьмы, всюду кровь льется рѣкой!.. Это не—жизнь, это—стонъ! А тучи надвигаются все мрачнѣй и мрачнѣй!.. И невольно приходитъ на умъ: неужели еще и теперь, какъ и въ стародавнюю пору, будетъ царить произволъ палачей и губить и уничтожать и лучшія силы, и лучшіе умы и сердца?.. Многострадальчивый народъ!..

Но гдѣ-то вдали, полный вѣры въ Русь, слышится зовъ умпрающаго борца за свободу, зовъ на новую борьбу, за великое, свѣтлое счастье!..

«Вывеситъ все: и широкую, ясную
Грудью продолжитъ дорогу себѣ...»
говорить онъ. А я, тоже больной, невольно продолжаю:

«Жаль только, жить въ эту пору прекрасную,
Ужъ не придется ни мнѣ, ни тебѣ!»

ПОСЛЕДНЯЯ НОВОСТЬ.

„Русь“ освобождена—
Русь арестована.

КТО ОНЪ?

Его глаголь, что звук
металла...
И, как пророкъ, сердца онъ
жжеть.
Хоть говорить онъ очень
мало,
Но, что ни скажетъ, то...
солжеть.

— Убрать эту... свободу!!

Отчасти изъ Лермонтова.

— Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?

Витте: — О, нѣтъ, не даромъ, хотя немножко и проде-
шевили: всего за 100 миллионъвъ рублей подъ подавлен-
ную революцію.

ИЗРЕЧЕНІЯ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Витте. Самодержавіе—это я!
Дурново. Самодержавіе—это я!
Дубасовъ. Самодержавіе—это я!

(Продолженіе предоставляется написать читателю, руко-
дствуясь спискомъ губерний и самодержавствующихъ
тамъ генераль-губернаторовъ).

Черное эхо.

Республику!!! Рѣжь публику!!!

Михистръ и свобода.

Онъ былъ самый тайный
совѣтникъ,
Она—революціи дочь;
Онъ пылко въ любви объ-
ясился,
Она прогнала его прочь.

17 октября — 17 января.

(Политическое обозрѣніе „ЗНАМЕНИ“).

Это былъ незабвенный день! Еще наканунѣ страна была погружена въ глубокій летаргическій сонъ: шла забастовка. Измученный россійскій обыватель, привыкшій въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ вѣрить въ всемогущество почитительнаго начальства, вдругъ утратилъ эту вѣру и впервые познакомился съ какой-то новой, неизвѣстной ему силой. Слово по мановенію волшебнаго жезла, стали желѣзныя дороги, замолкло печатное слово, закрылись аптеки, перестали дымиться фабричныя и заводскія трубы... Огромное мировое государство прекратило свою жизнь, и въ этомъ трагическомъ безмолвіи слышался повсюду единодушный крикъ: „такъ дальше жить нельзя!“ И этотъ стонъ земли былъ наконецъ услышанъ. Растерявшееся, изумленное, испуганное и парализованное правительстве поняло, что воздухъ слишкомъ обильно насыщенъ электричествомъ, поняло, что такое великое затиханье предвѣщаетъ грозную и небывалую бурю, поняло, что „такъ дальше жить не... будутъ“ — и уступило! Томительная, полная ужасныхъ кошмаровъ, полярная ночь кончилась. На востокѣ уже занималась заря новой, свободной жизни.

Наступило 17-ое октября.

Помните-ли вы этотъ незабвенный день? Съ раняго утра городъ украсился флагами. Оживленная, радостная и возбужденная толпа наполняла улицы. Всѣ приветствовали и поздравляли другъ друга. Свобода—великое и святое слово свобода не сходило съ устъ! Родилась русская свобода... Та свобода, въ борьбѣ за которую погибли наши дѣды-декабристы; та свобода, о которой едва смѣли мечтать наши отцы; та свобода, въ страстной тоскѣ по которой русская интеллигенція цѣлыми тысячами томилась въ тюрьмахъ и казематахъ, гдухо звенѣла цѣпями на каторгѣ, гибла и изнывала въ холодныхъ тундрахъ Сибири. И вотъ она пришла! Преній россійскій обыватель умеръ, на смѣну ему родился свободный русскій гражданинъ. Свобода совѣсти, свобода слова, свобода собраній и союзовъ, неприкосновенность личности и конституція... вотъ что намъ принесъ свѣтлый день 17-го октября. Невозможное стало возможнымъ. „Безмысленныя мечтанія“ обратились въ радостную дѣйствительность. Пробужденная страна впервые вдохнула полной грудью!

Прошло нѣсколько дней... всего нѣсколько дней! И какими кровавыми слезами пришлось освобожденной Россіи оплакать свое юношеское увлеченіе первыми днями свободы. Цѣлый рядъ безмысленныхъ, ужасныхъ и звѣрскихъ

погромовъ; сотни, тысячи, десятки тысячъ невинныхъ жертвъ; багровое зарево пожаровъ и цѣлое море слезъ и крови! Найдется-ли въ Россіи хоть одинъ такой городъ, гдѣ-бы въ эти ужасные дни не царилъ безуміе и ужасъ? Найдется-ли хоть одинъ русскій гражданинъ, у котораго не оказалось бы кровавой жертвы среди родныхъ, близкихъ или знакомыхъ ему людей? Найдется-ли хоть одно благородное сердце, которое не горѣло бы святымъ огнемъ негодованія?... Дальше, читатель! Пусть скорѣе изгладится изъ нашей памяти этотъ ужасный и позорный періодъ нашей исторіи...

Затѣмъ началась реакція. Тысячеголовая гидра—русская бюрократія, получившая въ свѣтлый день 17-го октября смертельный ударъ, рѣшила дорого продать послѣднія минуты своего гнуснаго существованія. Она пустила всѣ силы и средства, чтобы задуть новорожденную свободу... И вотъ теперь на нашихъ глазахъ происходитъ послѣднее судорожное усиліе погибающаго чудовища, началась его агонія! Какъ потухающая лампа, передъ тѣмъ, какъ погаснуть, даетъ послѣднюю яркую вспышку, такъ и послѣднее торжество реакціи можетъ только кратковременно закрыть отъ насъ яркій блескъ свободнаго солнца. Это не наступленіе ночи, а минутное солнечное затменіе! Но и въ этотъ короткій мигъ жить стало очень тяжело. Снова воздухъ удушилъ и спертъ, и снова слышны отдаленныя рокотанія надвигающейся бури.

Бѣдная русская свобода! Она опять въ униженіи и заточеніи, и опять нигдѣ не видно ея гордо развѣвающегося краснаго знамени. Свобода совѣсти?... но ея нѣтъ, а вмѣсто нея нагло скалится свои хищные зубы бюрократическая „свобода отъ совѣсти“! Свобода слова?—ее, читатель, надо искать по тюрьмамъ, куда запрятаны ея поклонники и ирещи! Свобода собраній и союзовъ?... Не ее ли расстрѣливаютъ, избиваютъ и ссылаютъ по городамъ и селамъ многострадальной Руси! Неприкосновенность личности?... Какимъ цинизмомъ, какой злой насмѣшкой звучитъ это выраженіе, если вспомнить, что чуть-ли не 1/10 Россіи находится на положеніи чрезвычайной охраны, когда любого изъ насъ могутъ разстрѣлять за противоправительственное выраженіе лица, когда въ тюрьмахъ не хватаетъ мѣста для ужасающей массы арестованныхъ!... Дальше, читатель! Здѣсь слишкомъ много горя, слезъ, и крови....

Но не будемъ отчаиваться! Реакціонная агонія тяжела и болѣзненна, но она не вѣчна. Близко время, когда разсѣется кровавый туманъ ликующаго насилія и торжествующей неправды, и мы снова увидимъ свѣтлый образъ божественной свободы. И въ этотъ мигъ вновь гордо воюетъ ея красное знамя.

Демократамъ - соци-
аламъ
И инимъ тамъ ради-
каламъ
Мѣста въ думѣнать!
Членовъ партіи по-
рядка,
Не лѣвищихъ без-
порядка,
Просямъ на совѣтъ.

Я калетовъ и ась-
зровъ
И подобныхъ имъ
моншеровъ
Въ думу не пуцку!
А баншировъ, фи-
нансистовъ,
Всѣхъ раптъ, капи-
талистовъ
Отенъ я прощу!

Мы покорно приглашаемъ
Нами избранныхъ людей.

Остальнымъ же запрещаемъ
И пройтти вблизи дверей.

Изъ типовъ Максима Горькаго.

— Одна только ты скоро у меня, голубушка, и останешься.

Зима. Реакція, ликуя,
Справляетъ свой кровавый пиръ
Въ Москвѣ Дубасовъ, кровь почуя,
Разгромомъ удивляетъ мѣръ.
Давя, топя, рубя, стрѣляя,
Бушуетъ черныхъ еотень стая.
Графъ Витте вретъ про пять свободъ,
Чтобъ обмануть вѣрнѣй народъ.

Околodочный-революционеръ.

У одной изъ баррикадъ въ Москвѣ былъ задержанъ дружишками подозрительный революционеръ: въ рукахъ у него былъ красный флагъ, на которомъ имѣлась надпись: „бей жиdовъ!“—По разслѣдованіи, онъ оказался передѣланнымъ околodочнымъ—шпіонъ. Красный флагъ онъ устроилъ себѣ изъ имѣвшихся въ распоряженіи у мовархистовъ національныхъ флаговъ съ надписями: на бѣлой полосѣ „бей крамольниковъ“, на синей— „бей интеллигентовъ“, на красной— „бей жиdовъ“. Бѣлую и синюю полосы онъ сорвалъ, а красную, какъ революціонную, оставилъ, не придавъ никакого значенія надписи.

Аріозо Нейдгардта.

Когда я былъ одесскимъ шахомъ,
Искалъ зловредныхъ я идей,
Сажалъ въ тюрьму единымъ взмахомъ,
Ссылалъ я къ полюсу людей.

*

Когда я былъ одесскимъ шахомъ,
Сварганилъ ловкій я погромъ,
Столица юга стала прахомъ,
Мы разжились ея добромъ.

*

Когда я былъ одесскимъ шахомъ,
Городовыхъ я защищаль...
Чтобъ не узнали ихъ по бляхамъ,
Я мудро бляхи эти снялъ.

*

И мой конецъ вопль обыченъ:
Не шахъ я волею судьбинъ;
Но все-жъ по-шахски я отличенъ:
Оставленъ мнѣ придворный чинъ.

Жизнь въ столицѣ.

Не живи, мой другъ, въ столицѣ!
Здѣсь стрѣляютъ пулеметы,
И проходятъ вереницей
Эскадроны, сотни, роты...
Днемъ патрули верховые
Взять стройными рядами,
По ночамъ городовые
Бродятъ цѣлыми стадами.
Здѣсь въ почетъ хулиганы.
(Типъ отчаянный и меракій),
И они твои карманы
Вмигъ очистятъ съ бранью дерзкой.
Отнесись къ насилью глухо,
А не то—тебѣ по-свински
Всадятъ въ спину, или брюхо
Смертоносный ножикъ финскій.
Дома—обыски, аресты
Производятся негласно...
На былые манифесты
Здѣсь надѣяться напрасно.
Если-жъ станешь горячиться
Ты при этаконъ обидѣ,
То—все можетъ здѣсь случиться—
Отколотятъ въ лучшемъ видѣ.
Не живи, мой другъ, въ столицѣ,
Забирай изъ банка вклады
И стремись скорѣе къ Ниццѣ,
Гдѣ тебѣ всѣ будутъ рады!

С.-Р. и СЪ (слушаю-сь).

Заспорили разъ эсъ-эръ съ эсъ-еромъ.
— Какъ тебѣ не стыдно,—сказалъ первый,—вѣчно ты поддичаешь, угодицаешь и унижаешься, а какъ только подымешься повыше, то сейчасъ-же отрекаешься отъ своего имени. То ли дѣло я! за свой девишъ я жертвую даже собственной кровью!
— Хорошо тебѣ такъ говорить,—сказалъ эсъ-эрь,—вѣдь у тебя кровь, а у меня одни канцелярскіе чернила!

Витте радостно взволнованъ
И гордится очень симъ:
Какъ же—въ Двинскѣ арестованъ
Вождь эстонцевъ, самъ Максимъ!
Словно бремя съ плечъ свалилось,
Стало легче отъ заботъ.
Но, представьте, что случилось:
— Взять Фодотъ, увъ! не тотъ.

СЛУХИ.

— Адмиралъ Дубасовъ, сдѣлавшись краснымъ послѣ „Московскихъ дней“, вступилъ въ партію эсъ-эровъ.
— Премьеръ-министромъ осуществлена уже одна изъ обѣщанныхъ свободъ—свобода отъ совѣсти.

НЕСООБРАЗНОСТЬ.

Удивительное дѣло въ Россіи всецѣло усиленно охраняется, даже чрезвычайно охраняется, а между тѣмъ иностранцы боятся и цѣлой массой бѣгутъ отсюда!

Мясникъ Трофимовъ, прославившійся въ Москвѣ своей патристической рѣчью во время монархической манифестаціи 6-го декабря на Красной площади, имѣетъ теперь зубъ противъ адм. Дубасова, какъ конкурента по профессіи.

Министерскій чемпионатъ.

Къ убійству студента Давыдова.

— Не надо, сердце!.. съ содроганьемъ
Раба-убійцу не кланя;
Святой огонь негодванья
Дороже крови въ наши дни.
О жертвъ новой, въ рядъ длинномъ,
Съ челомъ философа прочтемъ,—
Однимъ лишь меньше гражданиномъ,
Однимъ лишь больше палачомъ.

Qui pro quo.

На границѣ Франціи схваченъ одинъ изъ русскихъ эмигрантовъ.
— Это, несомнѣнно, опасный анархистъ,—докладываетъ комиссару
полицейскій агентъ;—на всъ вопросы онъ отвѣчаетъ, что желаетъ,
какъ можно скорѣе, а bas l'etat (долю государства).

Да вѣтъ же!—протестуетъ мимимый анархистъ—я желаю à Baletta!
(съ Валетта).

— А!—мгновенно вскакиваетъ комиссаръ и весьма предупредительно
и вѣжливо процусааетъ путешественника.

Секретарь редакціи принимаетъ для
личныхъ объясненій по средамъ отъ
4—6 часовъ, по адресу: Вас. остр., 13 л.,
д. 36, кв. 12.—Туда-же просятъ направ-
лять литературный матеріалъ.

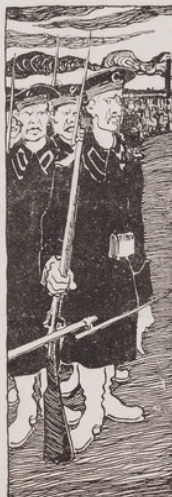
Редакторъ-издатель принимаетъ по
субботамъ отъ 3—5, по адресу: Нев-
скій, 66, кв. 11—14.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Поступилъ въ продажу больш. богато-
иллюстрированный модный альбомъ

ВОРТА

На осень и зиму 1905—1906 г.
Богатый выборъ модныхъ моделей простеньк., домашн., визитн., балн.,
повѣчн. и траурн. платьевъ, капотовъ, реформъ-платьевъ, модочекъ,
шубъ, верхнихъ вещей, дѣтскихъ нарядовъ и бѣлья на осенній и з. зим. сез.
Число моделей болѣе 500. Описаніе на русскомъ языкѣ. Цена въ Мо-
сквѣ 1 руб., пересылка—25 коп. По желанію къ альбому прилагаются
выкройки юбокъ, блузъ на средн. разм. съ доплат. по 30 к. за выкройку.
Къ выкр. прилаг. рисун. мод. и объясненіе. Допуск. налож. платежъ.
Складъ при редакціи журнала „Модная Почта“, МОСКВА, Кузнецкій
Мостъ, домъ № 3, Третьяковскыя.

Старыя пѣсни на новый ладъ.

(Изъ архива политическаго юмора).

Богъ ухабовъ, Богъ метелей,
Богъ проселочныхъ дорогъ,
Богъ ночлеговъ безъ постелей—
Вотъ онъ, вотъ онъ Русскій Богъ!

Богъ голодныхъ, Богъ холодныхъ,
Нищихъ вдоль да поперекъ,
Богъ имѣній бездоходныхъ—
Вотъ онъ, вотъ онъ Русскій Богъ!

Богъ всѣхъ съ Анною на шеѣ,
Богъ лакеевъ безъ сапогъ,
Богъ служащихъ, какъ лакеи—
Вотъ онъ, вотъ онъ Русскій Богъ!

Къ глупымъ полонъ благодати,
Къ умнымъ черезъ мѣру строгъ,
Богъ всего, что есть не кстатъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ Русскій Богъ!

Вопросъ. Почему до сихъ поръ не собралась Государ-
ственная Дума?

Отвѣтъ. Потому, что одни отдумали, другіе передумали,
а третьи задумались.

Вопросъ. А что же графъ Витте?

Отвѣтъ. Онъ готовъ служить Россіи „безъ тоски и думы
роковой“.

Подсчетъ.

Витте (прикидывая на счетахъ). Въ Москвѣ убито столько-
то (отдѣляеть костляки); въ деревняхъ—столько-то (то же);
въ Лифляндіи—столько-то (то же).
Гм! итоговъ... (смотритъ на костляки). Порядкомъ!.. По-
дучено отъ Франціи подъ условіемъ возстановленія спокой-
ствія въ странѣ 100 милліоновъ. Слѣдовательно, за каждаго
убитаго революціонера... гм! маловато, маловато!.. за такую
цѣну и хорошаго поросенка не купишь. А еще дружествен-
ная и союзная нація!

Меню страшнаго святочнаго разназа.

Взять одного генераль-губернатора, парочку
„извѣстныхъ губернаторовъ“, пятакъ казаковъ, все
это хорошенько взболтать, посыпать крушеваномъ
и подавать къ столу.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(въ краткомъ изложеніи).

I. Союзъ 17-го октября проситъ насъ не смѣшивать его
со „свободой союзовъ“, такъ какъ онъ не имѣетъ
никакихъ точекъ соприкосновенія съ послѣдней.—II. Газета
„Само“ смѣлѣе объявляетъ, что у нея нѣтъ ничего общаго со
„свободой слова“.—III. Русское Собраніе проситъ насъ
объявить, что оно рѣшительно противъ „свободы соб-
раній“.—IV. Безъ о вѣ ст н я особы первыхъ трехъ клас-
совъ энергично протестуютъ противъ „свободы совѣ-
стн“, считая, что она можетъ быть понята населеніемъ, какъ
„свобода отъ совѣсти“, а это составляетъ ихъ неприкосно-
венную собственность.—V. Черная сотня и прочія темныя
личности обращаютъ вниманіе свободныхъ русскихъ граж-
данъ на то, что онѣ рѣшили бойкотировать какую бы то ни
было „неприкосновенность личности“.

Подвиги бранные тамъ позади...
Славой вѣнчанные съ миромъ въ груди,
Въ станы родимые, въ тихій пріютъ,
Образы чтимые дѣткамъ несутъ...

Жены молящія, демоновъ смѣхъ...
Села горящія ради потѣхъ...
Сказочки славныя! слушай отца:
Сказки недавнія, нѣтъ имъ конца!...

„Американ. Скоропеч.“ СПБ. Литва. пр. 30.

— Дѣтки бѣдовыя! радость у васъ:
Тяжка вамъ новыя сказки припасъ,—
Сказки: крамольники, плеть казака...
Казни, покойники, крови рѣка...

Редакторъ—надатель, А. Г. Галачевъ.

Beinecke
Library
2006
Folio
552
1